

Мугтасимова Гульназ Ринатовна

ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ТАТАРСКИХ ЗАГАДКАХ

В данной статье рассматриваются особенности языка татарских загадок, их характерные художественные особенности, в частности метафора и сравнение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 73-75. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

варьете, наименование лжецарки. В Массолите просвечивает наименование Вавилона, места смешения и рассеяния («Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» [Быт. 11: 9]). Массолит - это наименование исторической катастрофы или ворот ада.

Таким образом, подвергая гротескному испытанию москвичей и социокультурное бытие столицы, автор романа «Мастер и Маргарита» сумел раскрыть моральную, культурно-историческую и онтологическую несостоятельность атеистического мироустройства и обнажить глубинные языческие истоки экзистенциальной доктрины атеизма.

Список использованной литературы

1. **Андрей Святой, арх. Кесарийский.** Толкование на Апокалипсис Святого Андрея, архиепископа Кесарийского. - М.: Типо-Литография И. Ефимова, 1901.
2. **Бадж Э. А. У.** Египетская Книга мертвых. - М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2005.
3. **Бахтин М.** Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. - М., 1975. - С. 234-407.
4. **Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.** - М.: Изд. Московской патриархии, 1992.
5. **Булгаков М. А.** Собрание сочинений: В 5 т. - М.: Худож. лит., 1990. - Т. 5.
6. **Булгаков С., протоиерей.** Апокалипсис Иоанна (опыт догматического истолкования). - М.: Православное Братство Трезвости «Отрада и Утешение», 1991.
7. **Логман Ю. М.** Дом в «Мастере и Маргарите» // Ученые зап. Тарт. ун-та. - 1983. - Вып. 645. - С. 130-137.
8. **Тихомиров Л. А.** Религиозно-философские основы истории. - М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2004.
9. **Тынянов Ю. Н.** Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. - М., 1977. - С. 198-226.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ТАТАРСКИХ ЗАГАДКАХ

Мугтасимова Г. Р.

Казанский государственный университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Юсуповой А. Ш. и к.ф.н. Хакимовым Б. Э.

В данной статье рассматриваются особенности языка татарских загадок, их характерные художественные особенности, в частности метафора и сравнение.

Возможность лингвистического аспекта изучения загадки отмечали разные исследователи, так, фольклорист-паремиолог В. В. Митрофанова в своей монографии, посвященной русской загадке, называла в числе интересных вопросов, которые ждут своего изучения, лингвистические проблемы загадки, а также исследование соотношения образа загадки и символа [Митрофанова 1978: 178].

Рассмотрению лингвистических вопросов и будет посвящена настоящая статья. Наш подход к исследованию лексики татарских загадок определяется задачами этнолингвистической проблематики, текст изучается в семантическом аспекте с той целью, чтобы из него извлечь данные о картине мира, свойственный создателям этого текста. Загадки нами используются как источник для воссоздания картины мира, присущей татарам. Если в пословицах и поговорках закрепилось и сохранилось представление, видение мира отношений между людьми, нравственных ценностей и оценок, то в загадках сохранилось представление о видении окружающего мира. Вследствие малого объема загадка легко запоминается и воспроизводится, и передает от поколения к поколению как бы застывшие образы вещей, растений, животных и т.п. Загадки - это свидетельства о том, в сети каких предметных и признаков ассоциаций воспринимались загаданные предметы окружающего мира, в какие пространственно-временные соотношения они помещались, какие части вычленились в этих словах как характерные, релевантные для их опознания.

Большинство татарских загадок загадывается о предметах быта и обихода, труда, природы, окружающей татар. Изучая загадки, мы можем составить представление о том, как и какими орудиями трудился татарин, какие животные и птицы окружали его в домашнем хозяйстве и с какими дикими животными он чаще всего сталкивался, что росло в поле и огороде, как выглядела деревня, какая домашняя утварь, предметы труда и обихода окружали его, что и как изготовлялось в хозяйстве.

Загадки единственный жанр фольклора, интересующийся незначительными, но постоянно присутствующими в жизни человека предметами и явлениями. Они загадываются о самых обыденных предметах и явлениях, о труде, трудовом процессе. Причем загадка загадывается о конкретном предмете: не об овоще вообще, а о моркови, огурце; не о животном вообще, а о корове, лошади, собаке [Митрофанова 1965: 284].

Вся совокупность загадок представляется системой иносказаний с нефиксированными переименованиями: одно и то же загаданное слово может называться в разных загадках разными именами. Народная загадка, как художественное восприятие объективного мира, зиждется на употреблении слов не в прямом, а в переносном значении. Основанием для этого является обычное сходство между предметами, явлениями, их взаимозависимость, всевозможные сравнения, уподобления. Среди них самым распространенным, самым типичным для загадки является метафора. В основе образования метафоры лежит сравнение. Оно представляет первичную форму, из которой вырастает метафора. В метафоре заключено картинное воспроизведение

явлений и предметов, поэтому она может служить средством пробуждения в сознании определенных эмоций и сложных суждений, относящихся к этим явлениям.

Выбор предмета замещения в загадках подчинен своим законам. Наиболее распространенным является отбор предмета замены, подходящего к тем признакам, которые хотят подчеркнуть в предмете загадывания, которые сообщаются в загадке как ключ для отгадывания. Так, например, загадка про сенокос, косу: Үлән астында ут йөгәрә (451); Елан шуа килә, яры жишерелә килә (452). Коса ползет по траве как змея, быстр как огонь поэтому коса чаще всего заменяется словами змея, огонь. В русских загадках коса сравнивается рыбой, уткой, щукой.

Муравейник с деятельностью его обитателей производит впечатление кипения. В загадках так и сказано, что он кипит: Кырда кара казаным кайный (972); Каенсарда кара казаным кайный (973). Предмет замены - котел.

Не всегда в загадках избирается только один признак. В разных загадках как про один о тот же предмет отмечаются разные признаки. Соответственно возникают и разные предметы замены. Так, в загадках про пчелу. Если избирается признак: пчелы создают тонкий узор - соты в темном улье, то говорится: Кап-караңгы бүлмәдә челтәр бэйли кыз бала (1017); Без, без, бизидер, манма сарай төзидер (1019). Если избираются - пчелы гудят, далеко провожают бегущего человека, жалят, то говорится о ребятах, галке. Например, Чалма-чалма чәчәккә, чалып алдым беләккә, туксан егет йөгәрә, тугыз кучкар менгерә (1012); Чакыр-чокыр саескан, бүрәнәгә ябышкан (1013).

Выбор предмета замещения обусловлен теми свойствами, качествами, которые хотят подчеркнуть в предмете загадывания. Избрание разных качеств создает разные загадки об одном и том же предмете, а подбор разных предметов замещения - разные варианты их. Поэтичность, совершенство загадки зависит не только от того, как будет организован словесный материал ритмически и синтаксически, но и от того, насколько выразительно, метко, наблюдательно будет выбран признак, качество предмета загадывания, определяющий предмет замещения, а также насколько удачно будет избран сам предмет замещения. Так, например, загадки про лапти. В них встречаются несколько замещений: лапоть - мышь; лапоть - крыса; лапоть - существо с головой, ртом, хвостом; лапоть - галоши. Лапоть - галоши основано на зрительном сходстве формы, для его создания не много нужно творческой фантазии: Койрыклы калуш (2454).

Лежащие на полу лапти с веревками для завязывания напоминают животное с хвостами. Для создания замещения лапти - мыши, крысы и т.д. - нужно больше творческой фантазии, наблюдательности. И уподобление получилось более поэтичное. Эта загадка распространена в большем количестве вариантов: Ике койрыклы тычкан (2451); Бер тычканга ике койрык ябышкан (2437); Бер күседә ике койрык (2438).

Метафорические загадки образуют самую многочисленную группу: Алсу битле кыз үсте, туп итеп куактан сикереп төште (613, яблоко); Ике янган йолдыз бар, ике кара кондыз бар (1610, глаза, брови); Ике тишек, бер ишек (1625, нос, рот). Через образы загадок перед нами предстает разнообразный, многоликий мир.

В татарских загадках можно выявить постоянные метафоры. Например, местоимение **үзе** «сам»: Үзе күренми, юлы өзелми (1684, мысль); Үзе су, үзе каты (343, лед);

Особенно многочисленны загадки с постоянной метафорой **сандык** «сундук»: Алтын сандык эчендә ачылмаган хатым бар (1676, мозг и память); Ачылмаган сандыгымда печелмәгән тун ятыр (1692, характер); Жир астында - ябык сандык (1723, могила); Түгәрәк кенә сандык, сандык эченә салдык, ачыкчын табалмагач, капкачын ватып алдык (860, желудь); Ак сандыгым ачылды, эченнән ефәк чәчелде (94, рассвет).

Поэтика сравнений в загадках сложна. В татарских загадках наблюдаются разные виды сравнений. В отдельных случаях употребляется степенное сравнение прилагательных: Эче татлы, тышы каты (621, арбуз); Урманнан биек, жептән нәзек (199, ветер).

Встречается в загадках сравнение образованное при помощи служебных слов кебек, шикелле, сыман: Кара - карга шикелле, мыеклы - маймыл шикелле (984, жук); Тешләре бар без кебек, шоп-шодадыр боз кебек, ямьсезне матур итәр, унбиш яшәр кыз кебек (2532, расческа).

Введение сравнений со служебными словами загромождает текст, поэтому такой способ создания образа не получает широкого распространения. Причем характерно это не только для татарской загадки. Подобная конструкция воспринимается как необычная и в русском и в удмуртском народном поэтическом творчестве [Перевозчикова 1982: 30].

Наиболее соответствует законам и задачам жанра, его сжатости, краткости и насыщенности полное уподобление одного предмета другому: Башы - чәчәк, төбе - шакмара (697; картофель).

Как и русским загадкам, татарским свойственно отрицательное сравнение, где дается не сопоставление двух предметов, а противопоставление одного предмета другому: Ат түгел - чаба, урман түгел - шулүй (159, ручеек); Үзе түгәрәк, туп түгел, койрыгы озын, тычкан түгел (744, свекла); Үзе йомры - ай түгел, төсе сары - май түгел, койрыгы бар - тычкан түгел (756, репа). В таких загадках формально отрицается сходство загадываемого предмета с другим предметом, по существу же этот предмет дает намек на загаданный.

Мы здесь рассмотрели лишь наиболее часто встречающиеся в народных загадках формы, поэтически воспроизводящие действительность. Но и они свидетельствуют о многообразии, яркости и выразительности татарского народного определения.

Являясь выражением народной мудрости, накопленной веками, татарские народные загадки чрезвычайно интересны как образцы народной речи, поражающей своей лаконичностью и яркостью.

1. Исәнбәт, Н. Татар халык табышмаклары / Н. Исәнбәт. - Казан: Тат. кит. нәшр., 1970. - 567 б.
2. Китиков, А. Е. Марийские народные загадки / А. Е. Китиков. - Йошкар-Ола, 1973. - 177 с.
3. Митрофанова, В. В. Историческая действительность в загадках / В. В. Митрофанова // Славянский фольклор и историческая действительность. - М., 1965. - С. 284-299.
4. Митрофанова, В. В. Русские народные загадки / В. В. Митрофанова. - Л., 1978. - 178 с.
5. Перевозчикова, Т. Г. Удмуртский фольклор. Загадки / Т. Г. Перевозчикова. - Ижевск: Удмуртия, 1982. - 256 с.

ОЦЕНКА ПОВЕДЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «БРИТАНСКАЯ КОРОЛЕВА» В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Мурзинова И. А.
ВолГУ

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Сидорович Т. С. и к.ф.н. Шовгениной Е. А.

Настоящая статья представляет промежуточные результаты исследования типажа «британская королева», выполняемого в русле лингвокультурологии. Автор статьи исследует поведенческие характеристики типизируемой личности - британской королевы через призму языкового сознания носителей британской лингвокультуры, опираясь на теоретические основания, изложенные в ряде публикаций профессора В. И. Карасика (2005), посвященных достаточно новому направлению в лингвокультурологии - теории лингвокультурных типажей.

Лингвокультурный типаж - совокупность характерных черт, присущих известной группе людей, за которыми вырисовывается, обнаруживается некий обобщенный образ, узнаваемый представителями какой-либо лингвокультуры, а также других лингвокультур как культурно-специфический для данного лингвокультурного сообщества. В качестве известной группы людей можно выделить и группу британских королей. Особенностью данной социальной группы является несинхронное существование ее представителей. То есть, эта группа выделяется нами не в горизонтальном срезе реальности, а в вертикальном историческом срезе. В данной статье представлены результаты анализа перцептивных характеристик лингвокультурного типажа «британская королева» в индивидуальном сознании носителей британской лингвокультуры.

Следует отметить, что типаж «британская королева» является актуальным лингвокультурным типажом, жестко фиксированным по ассоциативному признаку [Мурзинова 2008]. Это означает, что в настоящее время за совокупностью признаков, присущих современному типуажу «британская королева» в коллективном языковом сознании британцев обнаруживается некий образ, имеющий сходство с образом правящей королевы Елизаветы Второй. Образы же королев-предшественниц Елизаветы Второй становятся все более размытыми и подвергаются трансформации под влиянием образа правящей королевы.

Прежде чем перейти к рассмотрению индивидуальной оценки поведенческих характеристик лингвокультурного типажа «британская королева» представителями британского лингвокультурного сообщества, выясним, на чем вообще основывается оценка поведения индивида в социуме. Оценка любого поведения всегда предполагает сравнение его с какой-то нормой. В социальных науках используется термин «социальная норма», который определяется как предписание общепринятой формы, способа поведения людей в социально значимых ситуациях и для различных социальных ролей. Иными словами, норма - это совокупность общественных ожиданий по поводу поведения людей в той или иной сфере деятельности [Крылова, Крылов 1997]. Сверхзадача нормы - удержать инвариантность через полагание пределов вариативности. Инвариативность в норме - это отсылка к «стоящей» за ней и «выражаемой» в ней ценности [Абушенко]. Таким образом, выявление посредством анализа текстов культуры инвариантности в норме поведения, а также максимально допустимых, с точки зрения носителей британской лингвокультуры, пределов отклонения от поведенческой нормы для типажа «британская королева» позволит выйти на ценностные ориентиры, связываемые британцами с исследуемым типажом.

Анализ материала, полученного в результате проведенного нами анкетирования 100 британских информантов позволил выделить среди них три группы по признаку отношения к королеве: 1) положительно оценившие поведение королевы (52 %), 2) отрицательно оценившие поведение королевы (19 %), 3) не высказавшие прямой оценки поведения королевы (33 %). Обращает на себя внимание довольно высокий процент информантов, не давших выраженной оценки поведению королевы. Можно сделать предположение, что открытая оценка королевы для британцев - табуированная тема. Данное предположение подтверждают слова британского культуролога Г. Смита, который отмечает: "The English people have it firmly in their heads (and here they have some support from the law) that unlike other members of her family the Queen is above the battle. Each year of her reign that passes entrenches this position more surely" [Smith 1996: 208]. «Англичане твердо убеждены (и это убеждение поддерживается британским законом), что, в отличие от других членов королевской семьи, королева - вне критики. И с каждым годом ее правления эта убежденность усиливается» (*перевод наш - И. М.*). Возможно, анонимный характер нашей анкеты позволил какой-то части британцев высказать негативную оценку поведения королевы, чего они бы не сделали в иных коммуникативных ситуациях.

В ходе эксперимента британцам, в частности, был задан вопрос "What does a common Englishman think of the Queen, in your opinion?" Приведем характерные ответы, выражающие в наиболее общем виде противоре-